

ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ЭЛЕКТРОННОМ СЛОВАРЕ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

© Марина Харламова

TRADITIONAL FOLK CULTURE IN THE ELECTRONIC DICTIONARY OF THE MIDDLE IRTYSH REGION

Marina Kharlamova

The article pinpoints the possibility and the necessity of compiling a folk speech dictionary of the polyethnic Middle Irtysh region, representing the basic constants of traditional culture carriers. It also outlines key theoretical principles of the lexicographic project: the aim to reconstruct the dialect worldview, presenting groups of words with the same root in one dictionary entry, field structure of the dictionary entries, dependence on everyday metatextual consciousness and others. The field structure of an active type electronic dictionary is illustrated by the vocabulary entry of the word 'vechjorka' and its linguocultural comment. Semantic-cognitive research identified three main meanings of the constant **Vechjorka**, which are represented in folk speech of the Middle Irtysh region. An etymological analysis and the analysis of dictionary definitions of the lexeme *vechjorka* in the Dictionary of Russian Dialects allowed us to identify six meanings that have historically developed in the Russian language consciousness. The research of derivational and motivational connections (field *Derivatives*) and variations (field *Variants*) of the key word in the semantic space of the region showed the preservation of ancient meanings of the constant and its relevance in the language consciousness of contemporary dialect speakers. The meaningfulness of the constant is manifested also through the prism of precedent texts – *vechjoroshnaya songs*, which exist in a folk speech culture and are reflected in the new dictionary in the field *Precedent Utterances*. The field *Linguistic Cultural Comments* is of importance for defining characteristic features of the dictionary and realizing theoretical principles. The field emphasizes etymological connections of a word as well as characteristic features of the linguistic world image, which is intrinsic for the polyethnic region where eastern and western Slavic dialects with various dialect bases (dialects of the ethnic Russians, Belarusians, Ukrainians and Czech) have been co-existing for centuries, together with non-Slavic dialect groups (dialects of the Estonians, the Latvians, the Lithuanians, the Tatars, the Germans, etc.). Being an ethnolinguistic dictionary, the new dictionary has some features of a linguistic-centred dictionary, and combines the principles of a definition dictionary, thesaurus, historical dictionary and encyclopaedia.

Keywords: lexicography, conception of an electronic dictionary, traditional folk culture, mental constants, polyethnic region, contemporary dialects, precedent texts.

В статье обосновывается возможность и необходимость создания словаря народной речи полиэтничного региона Среднего Прииртышья, репрезентирующего базовые константы носителей традиционной культуры. Излагаются основные теоретические принципы лексикографического проекта: установка на реконструкцию диалектной картины мира, статьи-гнезда, полевая структура словарной статьи, опора на обыденное метатекстовое сознание и др. Полевая структура электронного словаря активного типа репрезентируется на примере словарной статьи «Вечёрка» и лингвокультурологического комментария к ней. В результате семантико-когнитивного исследования выявлены три основных значения у константы «Вечёрка», сохранившихся в народной речи Среднего Прииртышья. Этимологический анализ и анализ словарных дефиниций лексемы *вечёрка* в Словаре русских народных говоров позволил установить шесть исторически сложившихся в русском языковом сознании значений. Исследование деривационных и мотивационных связей (поле *Дериваты*) и варьирования (поле *Варианты*) ключевого слова в семантическом пространстве региона показало сохранность древних смыслов константы и актуальность её в языковом сознании современных диалектоносителей. Значимость константы манифестируется и сквозь призму прецедентных текстов – *вечёрошных песен*, бытующих в народной речевой культуре и отражённых в новом словаре в поле *Прецедентные высказывания*. Особую ценность для выявления специфики словаря и реализации теоретических принципов имеет поле *Лингвокультурологический комментарий*, акцентирующее внимание на этимологических связях слова и своеобразии языковой картины мира полиэтничного региона, где издавна сосуществуют восточнославянские и западнославянские го-

воры с разной диалектной основой (говоры этнических русских, белорусов, украинцев, чехов), а также инославянские диалектные группы (диалекты эстонцев, латышей, литовцев, татар, немцев и др.). Будучи этнолингвистическим по своей сути, новый словарь имеет характеристики словаря лингвоцентрической направленности и совмещает в себе принципы толкового, идеографического, исторического и энциклопедического словарей.

Ключевые слова: лексикография, концепция электронного словаря, традиционная народная культура, ментальные константы, полиэтнический регион, современные говоры, прецедентные тексты.

Региональные особенности языка и культуры находят воплощение в областных словарях, традиция составления которых была заложена в XIX веке В. И. Далем и успешно продолжена в начале XX века И. А. Бодуэном де Куртене (целью последнего было собрать всё живое лексическое богатство русского языка и дополнить словарь новыми словами, которые сам он записывал в течение многих лет) переизданием «Толкового словаря», подхвачена многими отечественными лексикографами.

Впервые мысль о практике составления словарей смешанного типа, обнаруживающих особенности различных типов, а не словарей строго одного вида, высказал Р. И. Аванесов: «Противоположения диалектных словарей – диалектный прямой („лексикологический“) или обратный („идеологический“), однодиалектный или многодиалектный, полный или дифференциальный – перекрещиваются и потому в разных комбинациях дают большое количество типов диалектных словарей» [Аванесов, с. 57]. Лексикографическая диалектная история второй половины XX – начала XXI вв. подтвердила верность этого утверждения.

Лексикографическая практика и у нас, и за рубежом «свидетельствует о многообразии типов словарей, различии целей и задач, решаемых в них, многоплановости лексикографической обработки материала» [Кузнецова, Сороколетов, с. 472]. Во многом под влиянием лексикографии, основанной на материале литературного языка, в диалектной лексикографии отразились теоретические искания и практические разработки последних лет. Диалектная лексикография, опираясь на опыт составления словарей с признаками нескольких типов лексикографических произведений, обратилась к созданию словарей в рамках современной лингвокогнитивной парадигмы.

Об интегральном подходе к описанию языка писал Л. В. Щерба ещё в статье 1931 года: «Правильно составленные словарь и грамматика должны исчерпать знание данного языка» [Щерба, с. 28]. Комплексный подход к лексикографированию диалектной лексики был предложен в 80-е гг. XX века. Активизация лексикографической интерпретации словарного состава говоров русского языка в последние десятилетия, безус-

ловно, способствует углублению и расширению диалектно-лексикологических исследований в целом. Созданию принципиально нового типа словарей предшествовало осознание современными исследователями тесной связи русской диалектной лексикографии и диалектной лексикологии. Значимость словарей в отношении изучения лексического состава языка в наше время, когда, по выражению исследователей, наблюдается «интеграция языкознания как теоретической науки о языке, лексикологии как науки о словах, лексикографии как науки о способах классификации словесного материала и его представления в словарях», неизменно возросла [Дорошевский, с. 36]. В связи с вниманием диалектной лексикологии к народной культуре и её региональным типам понятийный словарь (словарь констант), задуманный нами, полагаем, может стать ценным источником сведений о региональном типе такой культуры, о языке как части этой культуры в прошлом и настоящем. Особо значимым в этом плане представляется именно словарь полиэтнического региона, каковым является Среднее Прииртышье. Для лингвистов подобный словарь представляет интерес с точки зрения изучения проявления менталитета «в категориях и формах народных языков» [Колесов, с. 8].

На исследуемой территории сложилась своеобразная языковая ситуация, которая требует адекватной лексикографической интерпретации [Харламова, 2014, с. 13–91]. Функционирующие в Среднем Прииртышье нестарожильческие говоры не представляют определённого единства на фонетико-грамматическом и лексико-фразеологическом уровнях, поэтому определить их как единый говор и лексикографировать в дифференциальном диалектном словаре представляется весьма проблематичным [Харламова, 2006/2007, с. 545–546]. Кроме того, здесь бытуют и другие говоры как восточнославянского и западнославянского происхождения, так и инославянские говоры, которые тоже не объединяются в единую систему. Представляется, что описать пёстрый в диалектном и языковом плане материал подобно тому, как это было уже сделано в однодиалектном словаре русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья [здесь и далее – СГСрП],

весьма затруднительно. Всё это заставляет нас искать новые подходы к репрезентации лексического материала.

Каждый составитель словаря сталкивается с двумя основными проблемами, от верного решения которых зависит ценность составляемого словаря: что включать в словарь и как, каким образом описывать то, что включается в него. Конкретизация этих проблем для разных типов словарей не меняет сути дела, а лишь выделяет особенное, специфическое в каждом словаре.

Описание репрезентаций культурно значимых понятий в говорах Омского Прииртышья представляется возможным в словаре нового типа – словаре констант, отражающем результаты осмысления человеком предметов и явлений действительности, законов природы, общества. В данном случае можно говорить о словаре, манифестирующем представления о мире носителей разных этносов, издавна проживающих на одной территории. Будучи этнолингвистическим по своей сути, новый словарь имеет чётко выраженные характеристики словаря лингвоцентрической направленности, что обнаруживается в системно представленных языковых репрезентациях констант (устойчивые элементы смысла) народной «речемысли» (А. А. Потебня) в полевой структуре словаря (См. о структуре словаря [Харламова, 2014, с. 124–125]).

Известно, что словарь современных говоров хранит лексику, появившуюся в них в разное время и разными путями. Это лексика, связанная с пережитками старины и не имеющая эквивалентов в литературном языке: обрядовая лексика, названия обычаев, поверий, старинных игр, жилищ, надворных построек, кушаний, сельскохозяйственных орудий, предметов быта, одежды, обуви и др., а также термины, отражающие понятия из сферы производственной деятельности сельского жителя (земледелие, скотоводство, традиционные ремёсла и т. п.). Подобная лексика на изучаемой территории может варьировать в зависимости от носителей (представителей разных этносов) и хронологически. Кроме того, лексическая система говоров, как известно, связана с экстралингвистическим содержанием и воспринимает и отражает новое, заимствуя и адаптируя лексику литературного языка. Поэтому, как и исторический словарь, наш словарь является фактом истории культуры этносов – жителей Среднего Прииртышья.

Сами толкования в нашем словаре не только определяют значения слов-репрезентантов, но и раскрывают представления носителей народной речи о предметах и явлениях реального мира, жизни и быте сельского жителя Среднего При-

иртышья. С этой точки зрения, при толковании тех или иных слов, выражающих определённые константы народной культуры, иногда необходимо представить историко-этимологический, культурологический и социолингвистический комментарий, чтобы выявить специфику картины мира сельских жителей Омского Прииртышья. Подобные комментарии, как кажется, способны дать ценный материал, позволяющий проследить «живую жизнь» слова, хотя, возможно, и нарушают «чистоту» жанра словаря. Поскольку словарь, на наш взгляд, должен стать не только фактом лексикографии, но и памятником истории и культуры края, то такие комментарии считаем самоценными и значимыми. Тесное переплетение принципов толкового, идеографического, исторического и энциклопедического словарей представляется теоретически обоснованным и практически целесообразным.

Вербализация ментальных констант, под которыми понимаются устойчивые элементы смысла, мировосприятия, отражённые в современном языковом сознании диалектоносителей, предполагает обращение к символам и образам традиционной народной культуры. Одному из символов традиционной культуры посвящена словарная статья «Вечёрка».

В литературном языке слово *вечёрка* не употребляется, лишь в четырёхтомном академическом словаре зафиксирована лексема *вечёрка* с пометой *прост.(-оречное)* – «вечернее домашнее собрание для развлечений» [Словарь русского языка, т.1, с.159]. В поле *Лингвокультурологический комментарий* необходим этимологический комментарий (несмотря на то что в современном языке прозрачны словообразовательные и мотивировочные связи анализируемого слова), поскольку он позволяет выявить древние смыслы концепта в языковом сознании современного сельского жителя. Основной репрезентант константы – лексема *вечёрка* – происходит от существительного *вечер*, далее от праслав. **večerь*, от которого произошли: др.-русск., ст.-слав. *вечерь* (др.-греч. *ἑσπέρα*), укр. *вечір*, болг. *вечер*, сербохорв. *вечѐ* (род. п. *вечѐра*), словенск. *večēt*, чешск., словацк. *večer*, польск. *wieczór*, в.-луж. *wječer*, н.-луж. *wjasor*, *jasor*. Родственно лит. *vākara*, латышск. *vakar*s ‘вечер’, далее, сюда же, вероятно, греч. *ἑσπέρα*, гомер. *tā ἑσπέρα* (ср. рус. *вечерá* мн. ч.), лат. *vespera* ‘вечер’, ирл. *fescor* ‘вечер’, в которых допускается влияние **vest-* (нем. *West* ‘запад’ или табуистическое изменение. Славянское **večerь*, лит. *vākara*s связано чередованием гласных с лит. *ũkti* ‘покрываться облаками’, *ũkanas* ‘облачный’, *ũksna* ‘тень’ [Фасмер, т. 1, с. 309].

Национально-специфический концепт актуален для носителей традиционной культуры, что фиксируется словарями народной речи начиная с XIX века: «...вечорка сев., вечорки мн., вост. <...> названия вечерних сходбищ, собраний, пиров; вечернее собрание девок под предлогом чёски льна, пряденья, куда приходят и холостые парни, просиживая ночи напролет; *сибирские вечорки* бывают без работ; сходятся для увеселений, поют круговые песни с поцелуями, пляшут осьмерку» [Даль, т. 1, с. 189].

В словаре русских народных говоров [далее – СРНГ] у лексемы-репрезентанта отмечено шесть значений: (1) *вечёрка* ‘собрание девушек и женщин в осенний или зимний вечер в нанятой для этого избе, куда каждая приходит с работой (вязаньем, прядением и т. п.) и куда иногда заходят и парни; посиделки’ (Шадр. Перм., 1856; Бирск. Уфим.), ср.: в XX в. (Арх. Пудож. Олон., Мантур. Костром., 1926; Таборин. Свердлов., Слов. Ср. Урала, Челяб., Барнаул., Том., 1964); ср.: *вечерки* и *вечерки, мн.* ‘вечеринки’ (Сибирь и др.); (2) ‘прощальный вечер у невесты накануне свадьбы, девичник’ (Оренб., Север., 1852; Ташлин. Оренб., Урал., 1958); (3) ‘род вечеринки, собираемой рекрутами’ (Кем. Арх., 1929; Осин. Перм.); (4) ‘вечерняя церковная служба; вечерня’ (Остров. Пск., 1902 – 1904); (5) ‘обычно мн., коллективная работа и помощь кому-либо при трепке льна, производимая вечерами’ (Красноуфим. Перм., 1906; Добрян. Перм.); (6) ‘корм скоту, даваемый вечером’ (Смол., 1914), ср. *вечерница*, *вечерня*, *вечеровка*, *вечерок*, *вечеруха*, *вечерушка*, *вечерянка* [СРНГ, т. 4, с. 214–215]. Об актуальности и значимости концепта в народной культуре свидетельствует и функционирование в говорах слова-репрезентанта в качестве клички животного: *Вечёрка*, и, *ж* ‘кличка коровы, телки по времени рождения (вечером)’ (Казан., 1897; Ворон., Чапаев. Урал.) [Там же, с. 214].

В говорах Среднего Прииртышья основным репрезентантом выступает слово *вечёрка/вечёрки* (1) ‘вечернее собрание молодежи как развлечение’, (2) ‘вечернее собрание молодежи как часть свадебного обряда – девичник или вечернее праздничное собрание у жениха перед свадьбой’. Второе значение манифестируется в словообразовательном варианте *вечеруха*: *Перед самой свадьбой невеста устраивает вечеруху, на которую собирается молодёжь. Я, как невеста, готовилась, расшивала полотенца, звала девушек. Это вечеруха называлась* (Горьк. Аст.) [СГСрП, т. 1, с. 97]. Семантика (3) ‘собрание девушек и женщин в осенний или зимний вечер в нанятой для этого избе, куда каждая приходит с работой (вязаньем, прядением и т. п.) и куда ино-

гда заходят и парни; посиделки’ проявляется в слове *вечеровка* (устар.): *Молодёжь на вечеровки ходила. У девок их устраивали* (Мур. Низ.); *А вечеровки-то были! Девки пряли, а я с гармошкой!* (Мур. Гур.) [Там же, с. 95–97]. Одно из значений, связанное с этимологией (=вечер), проявляется в глаголах *вечерять* ‘ужинать’: *Вечерять без отца не ходили* (Тар. Екат.) [СГСрП, Доп-2, с. 24].

В отглагольных дериватах ярко репрезентируется семантика константы. Так, в Словаре у глагола *вечеровать* отмечена довольно широкая семантика ‘проводить вечер’: *Раньше собирались на вечёрки, вечеровали* (Мур. Берг.); *Раньше пойдёшь вечеровать* (Мур. Курн.); *Раньше вечеровать молодёжь собиралась* (У.-Иш. Загв.); *Сидели вечеровали* (У.-Иш. Колп.); *Бывало, вечеруем, долго сидели* (Б.-реч. Такм.); *Зимой вечера-то долги были. Вот девки собираются, вяжут, прядут, вышивают и песни поют. Вот это и называется вечеровать* (Мур. Низ.); *А вечером вечеровали, пряли сколько* (Знам. Бут.); *Где вечеруют, парни ходят* (Тар. Чёкр.); *А после этого я уже вечеровала, вышивала* (Тар. Тара); *А в девках-то ходили вечеровать друг к другу* (Тар. Черн.); *Пряли сидели, вечеровали* (Кол. Петр.); *Вечером в банях вечеровали* (У.-Иш. Пан.) [Там же, с. 96]. Однако анализ контекстов (и метатекстов прежде всего) позволяет констатировать все выявленные нами значения заглавного слова словарной статьи «Вечёрка». (Ср.: широко употребляются глагольные образования: *вечерить/вечеровать* ‘ужинать’ (Орл., Ворон., Калуж., Курск., Тамб., Смол., Брян., Новоросс., Дон., Терек., Пск., Новг.); *вечериться/вечериться* ‘склоняться к западу, садиться (о солнце)’ (Петрозав., Олон.), ‘ходить гулять поздно вечером’ (Пск., Новорж., Порх. Пск., Смол.), *вечерится* ‘темнеет, наступает вечер’, безл. (Лодейноп., Петрозав. Олон., 1885–1898); *вечерковать*, несов., неперех ‘гулять, проводить время на вечеринках’ (Йонав. Лит. ССР, 1963)) [СРНГ, т. 4, с. 210–214].

О значимости константы свидетельствует наличие в исследуемом диалектном дискурсе однокорневых именных образований с близкой семантикой: *вечерица*, *вечеровые* (-ых, субстантивированное прилагательное), *вечерушки* (2) ‘вечернее собрание молодежи как часть свадебного обряда – девичник или вечернее праздничное собрание у жениха перед свадьбой’: *Вечеровыми называли, когда собираются первый раз гулять у жениха* (Тевр.); *Перед свадьбой устраивают вечерушки* (Тевр.) [СГСрП, Доп-1, с. 33]. Семантика (1) ‘вечернее собрание молодежи как развлечение’ манифестируется в номинативе со значением лица *вечерошник* ‘любитель ходить по вечеркам, гуляка’: *Ах и любит Петька по девкам*

ходить – вечный вечерошник он, гулеван! (У.-Иш. Дали) [СГСрП, Доп-2, с. 24]. Ср.: *вечеринщик* ‘гость, посетитель, участник вечерины, вечеринки’ (Арх.), ‘любитель вечеринок’ Холмог., Арх.); *вечеринница/ вечеринщик* ‘участник вечеринки, посетительница вечеринки, бесед, посиделок’ (Арх., Кем.), ‘любитель вечеринок’ (Арх., Холмог.) [СРНГ, т. 4, с. 213]).

В семантическом пространстве Омского Прииртышья у слова *вечёрошник* на базе этимологического значения корня развилось значение ‘вечерний удой молока’: *Вечёрошник солью – надо сметанки сделать* (Тар. Кор.) [СГСрП, т. 1, с. 97]. Ср.: *вечерёха* ‘корова, отелившаяся вечером’ (Пореч., Смол.); *вечеречник/ вечерешник* ‘молоко, надоенное вечером’ (Роман., Рост.); *вечерешник* ‘молоко вчерашнего удою’ (Юрьев., Влад.) [СРНГ, т. 4, с. 211]). Это существительное является производным от прилагательного *вечёрошный* ‘вечерний’: *Вечёрошна заря, утренняя заря* (Мур. Сетк.); *Зорница – утром, а это вечёрошна заря* (Тар. Свид.) [СГСрП, т. 1, с. 97]. Ср.: *вечерешний* ‘вечерний’ (Пск.) [СРНГ, т. 4, с. 216].

У прилагательного *вечёрошный* и словообразовательного и фонетического вариантов *вечериночный* и *вечёришный* семантика также актуализирует значения анализируемого ключевого слова: *Всякие песни пели. И вечериночные, и свадебные, и застольные* (Мур. Мур.); *На вечеринке танцы были, пляски, и пели вечериночные песни* (Н.Ом. Н.Ом.); *Вот ещё есть песня вечёришна, на вечёрках пели* (Б.-реч. Такм.); *Вечёрошны песни пели тока на вечёрках* (Мур. Берг.); *Песни звала вечёрошны* (Б.Ук. Фор.); *Песни пели вечёрошны, клуба не было* (Тар. Зал.); *Пели вечёрошны песни* (Б.-реч. Ботв.); *Песни были вечёрошные, танцы были* (Тар. Черн.) [СГСрП, т. 1, с. 96–97]. Ср.: *вечериночный* ‘песни, которые поются на посиделках, вечеринках’ (Пинеж., Арх., Олон., Россиев., Самар.) [СРНГ, т. 4, с. 213].

Аналогичную семантику у *вечёрки*, которая широко представлена в именных дериватах, обнаруживаем в других говорах русского языка: *вечер* ‘предсвадебная вечеринка’ (Перм., Урал.); *вечеренечка*, умен.-ласк. (Шенк., Арх.) к *вечеренька* ‘домашнее вечернее увеселительное собрание молодежи зимой; вечеринка’ (Пинеж., Арх., Рыб., Ярослав.); *вечеренька* ‘девичник’ (Онеж. Арх., Курмыш., Симб.); *вечерие*, ‘часть свадебного обряда, когда вечером постельницы готовят постель для молодых’ (Рыльск., Курск.); *вечерина/ вечерина* ‘вечернее увеселительное собрание, вечеринка, пир’ (Север., Кирил. Новг., Арх., Ветл., Костром., Обоян., Курск., Трубч., Брян., Крив., Том., Ярослав.); *вечерина* ‘предсва-

дебный вечер’ (Обоян., Курск., Болх., Орл., Хо-пер., Филонов., Дон., Тихв., Новг., Кадн., Волог., Егор.); *вечерины* ‘вечернее собрание подруг невесты в ее доме накануне свадьбы’ (Ряз., Твер., Грайвор., Курск., Нижнедев., Ворон.), ‘вечернее собрание девушек с пряднем, вязаньем и т. п.; посиделки (обычно в зимнее время)’ (Осташк., Твер., Пск., Калуж., Демян., Новг., Кадн., Тотем. Волог., Арх., Твер., Кириш., Ленингр., Ветл., Костром.), ‘праздничное веселье в день Козьмы и Дамиана’ (Пошех., Яросл., Арх.); *вечеринка* ‘предсвадебный вечер’ (Дон., Моздок., Терек., Обоян. Курск., Ворон., Липец., Тамб., Осташк., Твер., Лодейноп., Ленингр., Котельн., Вят.); *вечеринка/ вечеринки* ‘посиделки, беседа’ (Шенк., Арх.); *вечериночка* умен.-ласк. к *вечеринка* ‘предсвадебный вечер, посиделки, беседа’ (Новорж., Пск.); *вечерний* (-его), м., обычно мн. ‘поезжане на свадьбе, провожающие жениха и невесту в церковь’ (Смол., 1854; Калуж., 1929; Болх. Орл., 1901); *вечерняя* (-ей), ж. ‘девушка – участница свадебного обряда, которая одевает на невесту повойник и раздает дары’ (Брас. Брян., 1961); ‘участвующий в свадебном обряде, вечерняя сваха, сватка’ (Орл., 1926; Смол., 1927) [СРНГ, т. 4, с. 210–214]. Сравнение с данными словаря русских народных говоров подтверждает не только актуальность константы, но и её древность в языковом сознании носителей традиционной культуры.

Яркой иллюстрацией к константе *Вечёрка* являются *вечёрошные* песни: *Песни// Вичорки ран’шы были // Вичорашные // Приходят / рибята аткупают помещение // У-нас спирва клуба не-была // Вичорки // Рибята аткупают // У-каво/ к-собе принимают // Деўки сидять / песни пають / гармонь / вичорашные //* (д. Старомалиновка, Нижнеомский р-н, Ячменёва Н.М., 75 л., неграмот., новосел., 2007):

Прасидел я маладец ф-погрибе / ф-карчае / ни-видал я маладец ни-жыны / ни-бабы / тол’ка видел я виселье в-адно васкрисенье / па-задворью сударыня ходит // Ана-ходит / ана-бродит / ана-вадичку носит / карамысла у-ей карамысла // А-веничек дубовый / обручи кляновы // Из-видёрачек вада льётца / а-маладец смийтца // Пярестань парен / смеятц / (эта как-уш ана гаварит) // Пярестань парень/ смеятца / будиш цаловаца // (д. Старомалиновка, Нижнеомский р-н, Ячменёва Н.М., 75 л., неграмот., новосел., 2007).

Размещается *Вечериночная песня* в поле *Прецедентные высказывания*, а комментарии, касающиеся ареала распространения, формального и содержательного варьирования текстов и т. п., даются в зоне «Лингвокультурологический комментарий». Являясь принадлежностью социаль-

ной и индивидуальной когнитивной базы такой прецедентный феномен относим к «социумно-прецедентным феноменам» согласно классификации В. В. Красных, поскольку эти феномены характеризуют языковое сознание разных этносов (песни записаны у этнических белорусов, русских, украинцев, чехов) и языковое пространство исследуемого сельского региона в целом. (Ср.: В. В. Красных: «Эти феномены могут не зависеть от национальной культуры» [Красных, с. 174]). Именно сквозь призму прецедентности в семантическом пространстве сельских жителей реализуются те или иные концепты, выявляющие национальную специфику народной речевой культуры и ментальности.

Полагаем, такие константы, как *Вечёрка*, дают представление о своеобразии традиционной картины мира, объективированной в речи сельских жителей Среднего Прииртышья.

При всей информационной насыщенности подобные словари книжного формата не позволяют реализовать все этнолингвистические и лингвокультурологические возможности языкового пространства полиэтнического региона. Электронный формат, как мы полагаем, создаёт неограниченные возможности комплексного описания объекта с широким привлечением прецедентных высказываний, культурологических и этимологических экскурсов, аудио- и видеоматериалов. Думается, что это позволяет принципиально по-новому репрезентировать региональный этнолингвистический и культурологический материал как для специалистов-филологов, так и для всех, кто интересуется традиционной речевой культурой и народной культурой в целом.

Новый словарь призван отразить реальное бытование речи прииртышского села в сегодняшнем его состоянии и транслировать особый взгляд на мир современного диалектоносителя.

Список литературы

- Аванесов Р. И. К теории диалектных словарей // *Cercetari de lingvistica*. 1958. An. 3. Supliment. (Румыния). С. 53–57.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 1. М.: Рус.яз., 1989. 699 с.
- Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973. 286 с.
- Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
- Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П. К типологии русских диалектных словарей // Ф. П. Сороколетов. / Избранные труды / Сост. О.Д. Кузнецова, Е.Ф. Сороколетова; Отв.ред. С.А. Мызников. СПб.: Наука, 2011. С. 472–477.

Словарь русских народных говоров: в 46 т. Вып.4 / Под ред. Ф. П. Филина. Л.: Наука, 1969. 357 с. (СРНГ).

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / Отв. ред. Б. И. Осипов. Вып.1. Омск, 1998.155 с. (Доп.-1).

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / Отв. ред. Б. И. Осипов. Вып. 2. Омск, 2003. 172 с. (Доп.-2).

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3 т. Т.1 / Под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 228 с. (СГСрП).

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3 т. Т. 2 / Под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. 244 с.

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3 т. Т. 3 / Под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. 358 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. Т.1. М.: Русский язык, 1981. 698 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т.1. М.: Прогресс, 1986. 574 с.

Харламова М. А. Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. 290 с.

Харламова М. А. О проекте нового диалектного словаря // Грани русистики: Филологические этюды (Сб. статей, посвященный 70-летию профессора В. В. Колесова) / Ред. О. А. Черепанова, С. А. Аверина, Д. Г. Демидов и др. СПб.: Филологический факультет С.-Петербургского гос. ун-та, 2006/2007. С. 545–551.

Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая. Цит. по: Лексикография русского языка: хрестоматия и учебные задания / Сост. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, Д. М. Поцепня и др./ Учебно-методический комплекс по курсу «Лексикография русского языка». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 5–19.

References

- Avanesov, R. I. (1958). *K teorii dialektnyh slovarey* [On the Theory of Dialect Dictionaries]. *Cercetari de lingvistica*, An. 3, pp. 53–57. Supliment. (Rumyniya). (In Russian)
- Dal, V. I. (1989). *Tolkovyy slovar zhyvogo velikorusskogo jazyka: v 4-h t. T.1*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes. Vol. 1.]. 699 p. Moscow, Rus. jaz. (In Russian)
- Doroshevskiy, V. (1973). *Elementy leksikologii i semiotiki*. [Elements of Lexicology and Semiotics]. 286 p. Moscow, Progress. (In Russian)
- Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskij slovar russkogo jazyka: v 4-h t. T. 1*. [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes. Vol. 1.]. 574 p. Moscow, Progress. (In Russian)
- Kharlamova, M. A. (2006/2007). *O proekte novogo dialektного slovarya./ Grani rusistiki. Filologicheskie etudy* (Sbornik statey, posvyashchenny 70-letiu profes-

sora V. V. Kolesova) / Red. O. A. Cherepanova, S. A. Averina, D. G. Demidov i dr. [On the Project of a New Dialect Dictionary. Aspects of Russian Studies: Philological Studies. Collection of Papers Dedicated to the 70th Anniversary of Professor V. V. Kolesov]. Pp. 545–551. St. Petersburg, Philological Faculty of St. Petersburg State University. (In Russian)

Kharlamova, M. A. (2014). *Konstanty narodnoy rechemysly i ich leksikograficheskaya interpretatsiya: monografiya* [Constants of Folk Speech and Thought: Lexicographical Interpretation. A Monograph]. 290 p. Omsk, Omsk university. (In Russian)

Kolesov, V. V. (2004). *Jazyk i mentalnost* [Language and Mentality]. 240 p. St. Petersburg, Peterburgskoe vosto-kovedenie. (In Russian)

Krasnyh, V. V. (2003). «Svoy» sredi «chuzhyh»: mif ili realnost? ["Friends" among "Foes": Myth or Reality?]. 375 p. Moscow, ITDGK «Gnozis». (In Russian)

Kuznecova, O. D., Sorokoletov, F. P. (2011). *K tipologii russkikh dialektnykh slovarey. F. P. Sorokoletov Izbrannyye trudy*. [On Typology of Russian Dialectal Dictionaries. F. P. Sorokoletov. Selected Works]. Pp. 472–477. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

Slovar russkikh narodnykh govorov: v 46 t. Vyp. 4. (1969) / Pod. red. F. P. Filina. [Dictionary of Russian Folk Dialects: In 46 Volumes. Vol. 4. Editor F. P. Filin]. 357 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Slovar russkikh starozhilcheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya. Dopolneniya. Vyp. 1. (1998). Otv. red. B. I. Osipov. [Dictionary of Old-Russian Dialects of the Middle Irtysh. Additions. Vol. 1. Edited by B. I. Osipov]. 155 p. Omsk, Omsk university. (In Russian)

Slovar russkikh starozhilcheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya. Dopolneniya. Vyp. 2. (2003). Otv. red. B. I. Osipov. [Dictionary of Old-Russian Dialects of the Middle Irtysh. Additions. Vol. 2. Edited by B. I. Osipov]. 172 p. Omsk, Omsk university. (In Russian)

Slovar russkikh starozhilcheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya: v 3 t. T. 1. (1992). Pod. red. G. A. Sadretdinovoy. [Dictionary of Old-Russian Dialects of the Middle Irtysh: In 3 Vol. Vol.1 Edited by G. A. Sadretdinova]. 228 p. Tomsk, Tomsk university. (In Russian)

Slovar russkikh starozhilcheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya: v 3 t. T. 2. (1993). Pod. red. G. A. Sadretdinovoy. [Dictionary of Old-Russian Dialects of the Middle Irtysh: In 3 Vol. Vol.2. Edited by G. A. Sadretdinova]. 244 p. Tomsk, Tomsk university. (In Russian)

Slovar russkikh starozhilcheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya: v 3 t. T. 3. (1993). Pod. red. G. A. Sadretdinovoy. [Dictionary of Old-Russian Dialects of the Middle Irtysh: In 3 Vol. Vol.3. Edited by G. A. Sadretdinova]. 358 p. Tomsk, Tomsk university. (In Russian)

Slovar russkogo jazyka: v 4-h t. T. 1. (1981) / AN SSSR, Institut russkogo jazyka; pod. red. A. P. Evgen'evoy. [Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes. Vol. 1. Academy of Sciences. Russian Language Institute. Edited by A. P. Evgen'eva]. 698 p. Moscow, Russkiy jazyk. (In Russian)

Szczerba, L. V. (2009). *O troyakom aspekte yazykovykh javleniy i ob eksperimente v jazykoznanii*. L. V. Shcerba. Jazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost. Cit. po: Leksikografiya russkogo jazyka: hrestomatiya i uchebnye zadaniya. Sost. L. A. Ivashko, I. S. Lutovinova, D. M. Pocepnyia i dr. Uchebno-metodicheskiy kompleks po kursu "Leksikografiya russkogo jazyka". [On the Threefold Aspect of Linguistic Phenomena and an Experiment in Linguistics. L. V. Szczerba. Language System and Speech Activities. From: Lexicography of the Russian Language: A Reader and Learning Activities / Comp. by L. A. Ivashko, I. S. Lutovinova, D. M. Potsepnyia et al./ Course Books in "Russian Language Lexicography"]. Pp. 5–19. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University. (In Russian)

The article was submitted on 03.03.2016

Поступила в редакцию 03.03.2016

Харламова Марина Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского,
644077, Россия, Омск,
Проспект Мира, 55-А
khr-spb@mail.ru

Kharlamova Marina Aleksandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Omsk State University named after
F. M. Dostoyevsky,
34-G, Pr. Mira,
Omsk, 644077, Russian Federation.
khr-spb@mail.ru